

А. Белый

Арабески. Книга статей

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
А11

A11 **А. Белый**
Арабески. Книга статей / А. Белый – М.: Книга по Требованию, 2021. –
526 с.

ISBN 978-5-458-54498-6

ISBN 978-5-458-54498-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

АНДРЕЙ БЪЛЫЙ.

А Р А Б Е С К И

Книга статей.

Книгоиздательство «Мусагетъ».
Москва 1911.

МОСКВА. — 1911.

Типографія Русскаго Товарищества, Мыльниковъ пер., соб. домъ.
Телефонъ 12-35.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Въ „Арабескахъ“ я собираю циклъ статей, долженствующій на примѣрахъ конкретизировать тѣ общія положенія, которыя я намѣтилъ въ своей книгѣ „Символизмъ“. Отвлеченная терминологія нѣкоторыхъ статей, напечатанныхъ въ „Символизмѣ“, не давала возможности конкретно показать жизненную значимость высказываемыхъ положеній. Въ „Арабескахъ“ я стараюсь не доказывать, но показывать. Этимъ и обусловлена нѣкоторая образность языка, за которую — предвижу — критика будетъ меня упрекать въ импрессионизмъ. Нѣсколько фразъ изъ книги моей „Лугъ зеленый“ навели одну почтенную газету на мысль о моей безпринципности, хотя содержаніе всѣхъ статей—строго принципиально; я утѣшаю себя мыслью, что нѣкогда та же газета встрѣтила весьма сочувственно явно „декадентскую“ для нея книгу мою, „Драматическую симфонію“, принявъ ее... за

пародию на декадентовъ. Вообще въ методахъ изложенія мысли я хотѣлъ бы считаться и съ газетной критикой, но... увы: я никогда не сумѣю ей угодить. Отвлеченный языкъ ей столь же чуждъ, какъ и образный; философію и поэзію газетная критика одинаково презираетъ. Ну, а разжевывать свои мысли или образы до ясности ходячихъ мыслей и общихъ положеній толпы я предоставляю популяризаторамъ. Нельзя одновременно дѣлать два дѣла: всматриваться въ окружающія явленія литературной жизни, чтобы живо на нихъ отзываться, и одновременно разжевывать ихъ толпѣ; пусть читаютъ меня тѣ, кому я понятенъ и интересенъ; среди нихъ, вѣрю, найдутся люди, которые сумѣютъ передать мои мысли массамъ въ болѣе общедоступной формѣ.

Къ „Арабескамъ“ я прилагаю особый отдѣлъ „Литературный дневникъ“; въ него входятъ многія изъ моихъ публицистическихъ и полемическихъ замѣтокъ; я расположилъ ихъ въ извѣстномъ порядкѣ такъ, чтобы сумма этихъ замѣтокъ нарисовала картину завершенной уже литературной эпохи. Именно въ силу того, что извѣстный періодъ развитія такъ называемаго символизма законченъ, я и считаю интереснымъ помѣстить нѣкоторыя замѣтки, съ полемическимъ пыломъ которыхъ я въ настоящее время уже не согласенъ (сюда полемика съ Ивановымъ, Блокомъ, съ мистическимъ анархизмомъ); все это хотя и недавнее прошлое, но все же—прошлое; и какъ прошлое, оно представляетъ архивъ для будущаго историка. Я смотрю на свой „Дневникъ“ именно какъ на архивъ, и потому убѣдительно прошу нѣкоторыхъ авторовъ, съ которыми я нѣкогда полемизировать,

III

не обижаться на то, что инныя статьи мои я помѣщаю въ той рѣзкой формѣ, въ какой онѣ нѣкогда были написаны. Недавній періодъ развитія молодого русскаго искусства интересенъ и характеренъ со всѣми своими угловатостями. И я не считаю нужнымъ закруглять и выравнивать тѣ изъ своихъ полемическихъ замѣтокъ, съ тономъ которыхъ въ настоящее время я такъ несогласенъ.

Тунисъ.
Январь, 1911 г.

Андрей Бѣлый.

ТВОРЧЕСТВО ЖИЗНИ.

ПРОРОКЪ БЕЗЛИЧІЯ.

„Фалькъ вскочилъ окончательно взбѣшенный. Что тамъ такое?“

Такова первая фраза перваго по значительности романа Пшибышевскаго. Таковъ лаконизмъ писателя, сумѣвшаго въ одной фразѣ дать матеріалъ для опредѣленія приемовъ своего письма. Подлежащее, сказуемое, опредѣленіе—а между тѣмъ всѣ элементы творчества Пшибышевскаго; одна фраза—и въ ней водораздѣлъ двухъ стихій, отдѣляющій творчество великихъ писателей середины XIX столѣтія отъ писателей конца вѣка; одна фраза—а мы уже чувствуемъ: что-то произошло.

Что же произошло?

„Фалькъ вскочилъ окончательно взбѣшенный“,—и первый абрисъ литературной фizioноміи готовъ. Всмотримся пристально въ эту фразу: дано имя героя (Фалькъ), дана подчеркнутая стремительность внѣшняго движенія (вскочилъ, а не всталъ), дана подчеркнутая стремительность движенія внутренняго (вскочилъ не разсерженный, а взбѣшенный и болѣе того: окончательно взбѣшенный). И тутъ, и тамъ и движеніе тѣла, и движеніе души заботливо опредѣлены, съ точностью взвѣшены: судорогой мускуловъ и судорогой душевнаго движенія бросаетъ въ насъ Пшибышевскій, такъ сказать, съ мѣста въ карьеръ.

Но кто же герой, судорожно вскакивающій и судорожно закипающій гнѣвомъ уже въ первой фразѣ объемистаго романа?

Вмѣсто опредѣленія героя, вмѣсто описанія его наружности, вмѣсто описанія мѣста и времени дѣйствія, просто, ничего не говорящее имя Фалькъ. И вскакиваетъ передъ нами этотъ Фалькъ прямо, такъ сказать, въ пространствѣ.

Описаніе героя, фабула, мѣсто и время дѣйствія отодвигается на второй планъ; всѣ эти подробности бросаются ав-

торомъ потомъ, вскользь, нехотя: мы должны ихъ ловить всё до одной, чтобы самимъ возсоздать канву изображаемыхъ дѣйствій; между тѣмъ эта канва у писателей добраго стараго времени выдвигалась на первый планъ, а потомъ уже послѣ долгихъ поясненій автора появлялся герой со своими поступками, встрѣченный нами, какъ старый знакомецъ.

А вотъ у Пшибышевскаго прямо изъ мрака неизвѣстности на сцену выскакиваетъ какой-то Фалькъ и начинаетъ передъ нами судорожно бѣситься.

„Онъ усталый... шель домой. Его знобило“. Такъ начинается онъ въ другомъ романѣ.

„Гордонъ низко наклонился впередъ и остановилъ на Остапѣ пронизывающій безпокойный взглядъ“. Такъ начинается романъ „Дѣти Сатаны“. Здѣсь опять въ неизвѣстное время, въ неизвѣстномъ пространствѣ какой-то невѣдомый Гордонъ не просто наклоняется, а склоняется низко, чтобы не просто бросить взглядъ, а взглядъ пронизывающій остановить на какомъ-то Остапѣ.

Или: „Черкасскій спдѣль, задумавшись“ („Сыны земли“).

И такъ далѣе, и такъ далѣе...

Съ мѣста въ карьеръ бросаются на насъ герои Пшибышевскаго, скрежещутъ зубами, сокращаютъ и выпрямляютъ мускулы, кидаются на женщинъ, лобзаютъ и убѣгаютъ въ тьму.

Съ мѣста въ карьеръ начинаютъ кишѣть они гнѣвомъ, изливаясь въ жалобахъ—и потомъ расплываются въ облако причудливыхъ сновъ самого Пшибышевскаго.

Судорога души и судорога мускуловъ всегда у него съ мѣста въ карьеръ. Но связь между обѣими судорогами, опредѣляемая психо-физическою причинностью, открывается послѣ; да и то лишь тогда, когда мы сами захотимъ открыть эту связь. Иначе и мотивы отдѣльныхъ поступковъ, даже болѣе того,—связь фэбулы разлагается у Пшибышевскаго на хаосъ движеній душевныхъ и на механику движеній вѣшнихъ. Движеніе вѣшнее лишь накладывается на движеніе внутреннее: связь—выпадаетъ.